

Dorovský, Ivan

Заметки о воздействии русской и украинской литературы на творчество Р. Жинзифова

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. D, Řada literárněvědná. 1962, vol. 11, iss. D9, pp. [119]-136

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/107491>

Access Date: 02. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ИВАН А. ДОРОВСКИ

ЗАМЕТКИ О ВОЗДЕЙСТВИИ РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ТВОРЧЕСТВО Р. ЖИНЗИФОВА

Жизнь и литературная деятельность болгарского поэта, публициста, историка литературы, деятеля болгарского возрождения Р. И. Жинзифова, к сожалению, не была до сих пор разобрана и правильно оценена. Ни одна из всех попыток, сделанных во второй половине XIX века и в начале нашего столетия, не объясняет личность Жинзифова во всей ее сложности и, иногда, противоречивости.

Только в 20-х годах нашего века были собраны и изданы его поэтические произведения и переводы со славянских языков (русского, чешского, польского) с краткой биографией.¹ Хотя это издание является до сих пор лучшим, оно не дает общего представления о поэте и его поэзии, его росте, развитии и формировании его мировоззрения, отразившегося в его поэзии и публицистических статьях; составитель издания не показывает благоприятного воздействия русской прогрессивной литературы и русской общественной мысли, которая имела первостепенное значение для формирования его поэтической личности.

Болгарский буржуазный историк литературы, типичный представитель формализма Боян Пенев в своей истории болгарской литературы² совершенно неправильно оценил Жинзифова и его творчество. Пенев отвергнул все положительные мнения о патриотической деятельности Жинзифова, высказанные Н. В. Гербелем,³ К. Иречком⁴ и др. Притом он не делает никакой попытки определить место и роль Жинзифова и его творчества в болгарском возрождении. О положительном воздействии русской литературы на его творчество он ничего не пишет, только упоминает о „подражаниях“ Жинзифова русским поэтам.

„Избранные произведения“⁵ Жинзифова под редакцией П. Динекова лишены всякой ценности. Динеков не подобрал типичных стихотворений Жинзифова, характеризующих его идеологическое развитие от идеалистического понимания исторического процесса к его революционным призывам к восстанию, не обратил внимания на воздействие революционно-демократического направления в русской литературе и общественной мысли на творчество Р. Жинзифова.

Попытку определить роль Жинзифова в болгарском возрождении сделал В. Велчев.⁶ Он кратко, но хорошо и правильно показывает воздействие русской литературы не только на творчество Жинзифова, но и на творчество других болгарских писателей эпохи возрождения.

Из заграничных историков литературы, начиная Пыпиным — Спасовичем,⁷ Махалом,⁸ Вейнгартом⁹ и др., почти никто не показал действительного

значения Жинзифова и органической связи его поэзии с русской прогрессивной литературой. Они совершенно неправильно считают его только поэтом-славянофилом.

Нам в настоящей статье хотелось бы показать решающее значение русской и украинской литературы и общественной мысли для формирования его личности как поэта, патриота, демократа и революционера. Однако, данную статью надо считать только частью работы, цель которой попробовать оценить в целом творчество Р. Жинзифова.

1.

Формирование творческой личности и политических взглядов Райко Жинзифова (1839—1877) проходило в очень трудных и неблагоприятных условиях. Он вступает в литературу в начале третьего периода болгарского национально-освободительного движения.¹⁰

Райко Жинзифов приходит в Россию в июле 1858 года. Здесь открываются новые пути для развития его поэтической личности. Он вступает в контакт с передовой классической русской литературой, которая является для него идейной и художественной школой. Русская демократическая литература помогает ему развернуть творческую энергию и дает возможность проявить свое индивидуальное своеобразие. Только русская передовая литература, русская поэзия раскрыла перед Жинзифовым широкий поэтический мир. Значение русского литературного воздействия на творчество Жинзифова огромно; именно русская литература помогает ему нащупать пульс своего времени, отразить требования и стремления народа. Она является важным стимулом в развитии творческих сил Жинзифова. Жинзифов постепенно осваивает идейный и художественный опыт своих русских учителей и сам ищет не только новые идеи, но и новые формы изображения жизни.

Тематический круг его поэзии можно разделить на несколько основных циклов. Прежде всего важна тема глубокой скорби за родину. Однако, изображение родного края у Жинзифова всегда неразрывно связано с изображением родного народа и с тяжелыми условиями его жизни. Вторая тема (относительно большая группа стихотворений) — народные страдания. Положительно, правдиво и реалистически изображает поэт порабощенного балканского селянина, простого пахаря, земледельца, который работает не для себя, а для турок и греческих фанариотов. От этой группы закономерен прямой путь поэта к третьей группе стихотворений — изображение революционных идей и требований народа. Именно на эти последние темы его поэтического творчества не хотели или не сумели обратить внимания ни Боян Пенев, ни все остальные историки литературы, которые до сих пор занимало творчество Р. Жинзифова. Именно в стихотворениях с национально-революционными мотивами Жинзифов представляется нам как настоящий поэт-гражданин, как поэт-борец.

Жинзифов приехал в Россию, не имея правильного представления о русской литературе вообще и о литературе XIX столетия в особенности. Но несмотря на это, он сумел выбрать для себя самых лучших и прогрессивных поэтов русской и украинской классической литературы: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко и др.

2.

О Пушкине Жинзифов мог впервые узнать сразу же после приезда в Россию из сборника „Смесна китка“ Петко Р. Славейкова,¹¹ в котором были включены и два перевода — подражания Пушкину Славейковым — „Не пой, красавица, при мне“ и „Погасло дневное светило“. Однако вполне возможно, по нашему мнению, другое предположение, что Жинзифов мог познакомиться с творчеством Пушкина посредством Петра Ивановича Бартенева (1829—1912), с которым Жинзифов был в дружеских отношениях.¹² П. И. Бартевев занимался творчеством Пушкина и был автором ряда статей о нем.¹³ С поэзией Пушкина поэт мог познакомиться также через „Русскую хрестоматию“ А. А. Галахова, которая содержала более 60 его стихотворений.

Вопрос об отборе литературных произведений для перевода, перевода-подражания, подражания, или просто подбор только общей тематики и отдельных сюжетов связан с историко-литературным развитием данной литературы, политическими условиями данной страны и, в конце концов, с требованиями и мировоззрением автора, занимающегося таким отбором. Жинзифов, познакомившись с поэзией великого художника слова, берет из его стихотворения „Не дай мне бог сойти с ума“ заглавие для своего стихотворения „Брату си“ („Своему брату“) (собственно говоря, первую строку, как это делает и в отношении к другим русским поэтам), чтобы развить в дальнейшем свою собственную идею. Стихотворение „Брату си“ начинается словами Пушкина, почти дословно переведенными, однако в дальнейшем Жинзифов развивает совсем другую, противоположную идею. Уже само название стихотворения Жинзифова имеет обобщенный характер. Не быть рабом чужих угнетателей и ассимиляторов — вот основная идея стихотворения. В этом проявляется и глубокий, настоящий гуманизм поэта — сохранить свое человеческое достоинство, человеческую честь и чувство славянского происхождения. Последние строки стихотворения ясно говорят об осознании поэтом классовых противоречий и различий в обществе. Он еще не видел никакого выхода из существующего рабства и невежества народа на Балканах, но уже хорошо сумел показать разницу между богатыми и бедными. Это разоблачение поэтом зажиточных слоев и сочувствие к беднейшему народу, их ясное определение и отношение поэта к ним являются одним из решающих шагов в развитии дальнейшего патриотического и революционного сознания Жинзифова. Также многие другие его стихотворения насыщены тем же глубоким чувством. Они являются поразительным, могущественным эмоциональным выражением оскорбленного Жинзифова. Некоторые образы его стихотворений яркие, спонтанны. Таково и стихотворение „Гавран“ (Ворон).¹⁴ Оно написано опять-таки под влиянием поэзии Пушкина, а именно, его стихотворения „Шотландская песня“.¹⁵ В нем речь идет о кровавой любовной драме. У Жинзифова же развита совсем другая идея — трагедия народа, деятели которого умирают от невыносимой жизни.

Разумеется, интерес нашего поэта к творчеству гениального мастера слова не исчерпывается только приведенными стихотворениями, ясно показывающими близкий контакт Жинзифова с поэзией Пушкина. Много других стихотворений Жинзифова до известной степени или прямо или косвенно подсказывают, что Жинзифов хорошо знал и любил творчество Пушкина.

3.

О том, каким же годом датируется первое обращение Жинзифова к поэзии Лермонтова, мы не имеем никаких положительных данных. Более вероятно считаю, что Жинзифову дала возможность ознакомиться с творчеством М. Ю. Лермонтова прежде всего „Русская хрестоматия“ Галахова, в которой Жинзифов мог узнать целый ряд стихотворений Лермонтова. Следы влияния поэзии Лермонтова находим в стихотворении Жинзифова „Молитва“ Он берет из стихотворения Лермонтова „Молитва“ (Я, мать божия, ныне с молитвою . .) только название, первую строку и первую половину второй строки:

*Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом . . .*

Проф. П. Диников¹⁶ неправильно включает стихотворение Жинзифова в его переводы. Сравнивая оба стихотворения, мы узнаем, что „Молитва“ Жинзифова не является в собственном смысле слова ни переводом, ни переводом-подражанием Лермонтову. Жинзифов работает над своим стихотворением совершенно самостоятельно. Лермонтов ему дает только какой-то толчок, импульс. Надо отметить, что для Жинзифова это характерно не только по отношению к Лермонтову, но и к Некрасову, Шевченко и другим русским поэтам. Лермонтов написал свое стихотворение в ссылке которой подвергся за стихотворение на смерть Пушкина. Концепция лермонтовской „Молитвы“ (написанной с совершенно другой целью) совсем другая, нежели концепция Жинзифова. Лирическая „мать божия“ Лермонтова хочет „вручить деву невинную теплой заступнице мира холодного“, в то время как Жинзифов просит, чтобы „ангел смертоносный“ не лишал поработанный народ его лучших борцов, его сынов — заступников народных интересов. Жинзифов диаметрально отличается от Лермонтова в обработке одинакового начатого стихотворения. Если Лермонтов говорит в лирических стихах:

*Окружи счастьем душу достойную,
Дай ей спутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования .*

то Жинзифов выражает свои патриотические томления. Он думает о судьбе народа:

*Сечит защитницы съдба смъртоносна.
Защо? За народни ли грешки?
Дай нам помощь в дни чърни, дни тежки,
Така съдбина нам несносна.*

И последняя строка стихотворения Жинзифова кульминирует совсем иначе, чем у Лермонтова. Сопоставление последнего четверостишия яснее всего доказывает, что Жинзифов разрабатывает свою собственную идею самостоятельно.

Об интересе Жинзифова к творчеству Лермонтова свидетельствует дальнейшее сопоставление его стихотворения „На младенецът А . . .“ со стихотворениями Лермонтова „Ребенка милое рожденье“ (1839) и „Козачья колыбельная песня“ (1840).

Доказательством того, что образцом для стихотворения „На младенецът А.“ послужили Жинзифову действительно вышеприведенные стихотворения Лермонтова, является анализ сопоставленных стихотворений.

Стихотворение Лермонтова „Ребенка милое рожденье“ было написано при известии о рождении сына Александра у Алексея Александровича Лопухина, друга университетских лет и родственника Лермонтова.

Стихотворение Жинзифова „На младенецът А.“ вероятно всего посвящено сыну П. И. Бартенева Алеше, которого Жинзифов очень любил. (См. Александр Спасов, Средба со ученикот на Рајко Жинзифов, Разгледни, год. 5, број 2, Скопје, 1958, стр. 1.)

Стихотворение „Ребенка милое рожденье“ Лермонтова содержит 16 строк и является каким-то эмоциональным выражением радости за рождение нового человека. Поэт приветствует своими стихами ребенка и желает ему

*Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как божий херувим!*

Стихотворение Жинзифова „На младенецът А.“, хотя написано по Лермонтову, отличается не только своей самостоятельной обработкой данного мотива, взятого из Лермонтова, но и объемом, сложностью и формой. Оно содержит шесть четырехстрочных строф. Автор говорит о ребенке, как о перво-рожденном сыне с „чистой, пречистой душой невинной“, о котором мать старательно заботится. Жинзифов в своем стихотворении прекрасно, чувствительно, с большой правдивостью и конкретностью воспевае женщину-мать, роженицу, хранительницу и воспитательницу. Идея матери является для Жинзифова любимым мотивом; первоначально он в своей поэзии исходил из македонской народной поэзии, где очень много народных песен изображает несчастную долю женщины-матери.

Несколько слов о „Козачьей колыбельной песне“ Жинзифов в стихотворении „На младенецът А.“ хотел вывести образ матери. „Козачья колыбельная песня“ является „апофеозом матери“ В ней Лермонтов дал „индивидуальное значение общей идее“ (по Белинскому). Хотя Жинзифов хотел выразить ту же идею, ему не удалось полностью художественно передать все особенности темы. В „Козачьей колыбельной песне“ представлен нежный лирический монолог матери к ребенку. У Жинзифова монолог поэта к ребенку. Однако Жинзифов не сумел выразить все оттенки, весь трепет и любовь матери, всю страсть и бесконечную преданность матери, которые с большой полнотой воспроизведены у Лермонтова.

4.

Чувство одиночества у Жинзифова усиливалось. Поэт постоянно думал о своем возвращении на родину, хотел помочь пробуждению поработанного народа, хотел вести его на борьбу против внутренних и внешних врагов. Из его эпистолярного наследия мы узнаем, что он не мог возвратиться на родину, так как его преследовали турецкие власти.¹⁸ В одном письме Ма-

рину Дринову,¹⁹ сообщая ему о Станишеве (своем друге), который собирался возвратиться в Македонию, он говорит о своем желании: „О, да знаешь как ми загорела душата за дома?!“ В связи с его тоской по родине и в связи с влиянием творчества Н. А. Некрасова особенно важны два его стихотворения: „На Великден“, которое нам дает ясную картину душевного состояния поэта, и „Сам себе си“, которое органически связано с первым стихотворением. В стихотворении „Сам себе си“ Жинзифов, по примеру Некрасова, выводит образ „лишнего человека“. Некрасов в стихотворении „Я за то глубоко презираю себя“ впервые наметил характеристику, т. н. „лишних людей“, к изображению которых поэт не раз возвращался впоследствии и в других своих стихотворениях.²⁰

Стихотворение „Я за то глубоко презираю себя“ печаталось при жизни Некрасова под названием „Из Ларры“, хотя оно в действительности целиком принадлежит Некрасову. Оно состоит из восьми двустиший. Стихотворение „Сам себе си“ Жинзифова не разделено на строфы. Оно состоит из 20 строк. Сравнение обоих стихотворений заставляет нас утверждать, что речь идет о переводе-подражании Некрасову Жинзифовым.²¹ В вольный перевод Жинзифов вложил свои личные переживания. Первые две начальные строки у Жинзифова почти такие же, как и у Некрасова, только несколько свободно переведены и дополнены. У Некрасова встречаемся с двенадцатисложником, у Жинзифова с четырнадцатисложником.

Ср. Некрасов:

*Я за то глубоко презираю себя,
Что живу — день за днем бесполезно губя;
(Некрасов, 1, стр. 18.)*

Жинзифов:

*Загова я сам себе ненавиждам, не любам,
Че години си млади бесполезно я губам.*

И строение и лексические средства выражения ясно доказывают, что речь идет о переводе-подражании, точнее говоря, о вольном переводе. Дальнейшие две строки у Жинзифова самостоятельны, они объясняют его безграничную любовь к своим родным:

*Че я майка си любех, а я нея оставих,
Че я любех сестра си, я и нея забравих*

Жинзифов не мог продолжать точный перевод стихов Некрасова, он должен был вложить приведенные строки, ибо хотел стихами успокоить свои душевные страдания. Некрасов говорит в следующих двух строках о ничтожном человеке, который осудил самого себя, боясь идти на борьбу, боясь действовать:

*Что я, силы своей не пытав ни на чем,
Осудил, сам себя беспощадным судом.*

Но этого ни в коем случае не мог сказать Жинзифов о себе. Дальнейшие строки Жинзифова являются или точным, или вольным переводом-подражанием Некрасову. Жинзифов вкладывает в них некоторые свои собственные слова, которые до известной степени изменяют значение стихотворения Некрасова. Заключение у обоих поэтов одинаково.

Некрасов:

*И что злоба во мне и сильна, и дика,
А хватаюсь за нож — замирает рука!*

Жинзифов немножко другими словами выражает ту же самую мысль:

*Да позинат/я искам, да ми станет те жертва,
Но щом ръка я кренам, в той час става тя мъртва.*

О стихотворении Жинзифова „Сам себе си“ можно сказать, что поэт в нем словами, стихосложением, общей формой и содержанием стихотворения Некрасова и своими словами хотел вывести образ самого себя со своими душевными переживаниями. Этим он —, пока мне известно, — первый в болгарской литературе вывел образ „лишнего человека“ особого типа. Это не образ человека, на которого обломовщина наложила „неизлгладимую печать бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете“.²³ Это тип настоящего патриота, мечтателя и романтика, чувствующего себя в одиночестве, сознающего невозможность выполнить свой долг перед народом в истинном смысле слова — непосредственно помочь ему. Это доводит Жинзифова (и многих его друзей) к тому чувству безысходности, с которым мы встречаемся в его лирике и в его стихотворении „Сам себе си“.

В мае месяце 1866 года, еще до поездки в Македонию, Жинзифов, окончил стихотворение „До българската майка“.²⁴ Лирическое стихотворение было, наверно, написано с намерением прочесть его матери. „Злосчастливая, много-страдальная мать“ хочет быть своему сыну утешением. Мать может петь обо всем: о терпении, утешении и страдании. Только о любви не должна петь, ибо нет времени думать о любви, нужно думать о делах общенациональных. И Жинзифов обращается к матери с просьбой (так, как это делает позже Христо Ботев в стихотворении „До моего първо либе“):²⁵ „Само не пей за любов!“

Сравнивая это стихотворение Жинзифова со стихотворением Некрасова „В полном разгаре страда деревенская“ (1862) я установил, что Жинзифов написал его под сильным воздействием Некрасова в отношении формы. Прежде всего Жинзифов учится у Некрасова правильным силлабо-тоническим размерам, пользуясь его трехсложными размерами стоп с первым ударным — дактилем:

*В полном разгаре страда деревенская..
Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.*

Жинзифов употребляет двенадцатисложник, как и Некрасов:

*Майко злочеста, ти майко страдалница
Мътни са сълзи ти, как и Брегалница,
Мътни са студни вълни.*

И построение отдельных строф то же, что и у Некрасова — два двенадцатисложные и одна семисложная строка образуют самостоятельную строфу — трехстишие. Законы рифмы Некрасова Жинзифов последовательно соблюдает. Некрасов дает Жинзифову только импульс, побуждение, тематику: женская доля, доля многострадальной русской матери, изображенная Некра-

совым в стихотворении, заставляет Жинзифова думать о горе и тяжелой доле порабощенной, обиженной матери на Балканах.

Жинзифов учился у Некрасова общему строению стихов. В своем вышеупомянутом стихотворении он употребляет некрасовский способ стихосложения. Ср. Некрасов:

*Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!*

Жинзифов:

*Рониш ти сълзи, а сърдце распариш ми;
Питам напраздно я — не отговаряш ми —
Сладки л' са майче они?*

Но вопреки всем этим сходствам по форме и мотиву, мы должны сказать, что Жинзифов в этом случае поступает совсем самостоятельно, творчески. Ход развития стихотворения Жинзифова совсем другой, чем у Некрасова; совсем другое и содержание. Главная мысль обоих стихотворений диаметрально различна, хотя тематика одна и та же.

Из всего сказанного об отношении Жинзифова к поэзии Некрасова можно сделать некоторые заключения. Жинзифов учится у Некрасова творческим способом. Некрасов своим реалистическим изображением жизни, своим гражданским пафосом, своим неукротимым разоблачением врагов народа, глубоким сочувствием к женщине-матери, громким протестом дает развитию Жинзифова — поэта и патриота правильное направление. Творчество Некрасова дает Жинзифову возможность расширить круг своей тематики, еще более глубоко понять народ и увидеть в нем двигатель исторического процесса. Именно Некрасов был одним из тех, кто своим творчеством объяснял и Жинзифову вопрос о роли творческой личности в общественной жизни. И, наконец, Жинзифов стремится освоить высокое художественное мастерство Некрасова.

5.

Жинзифов, будучи студентом, страстно читал произведения русских классиков и постепенно знакомился с литературой остальных славянских народов.

В 1863 году он издал в Москве²⁶ сборник под названием „Новобългарска сбирка“, в которой поместил первый в истории болгаро-македонский перевод знаменитого „Слова о полку Игореве“, перевод „Краледворской рукописи“, переводы из „Кобзаря“ Т. Г. Шевченко и четыре свои оригинальные стихотворения.

Жинзифов перевел всего 9 стихотворений, 5 поэм и романтических баллад Шевченко (Пенев неправильно говорит в „Истории“²⁷ только о четырех переведенных поэмах, забывая о поэме „Причинна“ (Порченная), переведенной Жинзифовым под названием „Магьосана“, опубликованной в одном из лучших до освобождения болгарских журналов — в журнале „Читалище“) а именно: Тополь, Катерина, Утопленница, Думки (Ветер буйный, ветер буйный, Течет вода в сине море, На что черные мне брови). Он их поместил под общим названием „Гусляр Тараса Шевченко“ в указанном нами сборнике. Остальные переводы стихотворений Шевченко он опубликовал в разных болгарских журналах и газетах. Для своих переводов Жинзифова пользовался

вероятнее всего новым изданием „Кобзаря“ 1860 года, тогда уже широко распространенным по всей стране.

Чем объяснить интерес Жинзифова к поэзии Шевченко? Известно, что „Кобзарь“, изданный в 1840 году, привлек внимание уже своим названием и самобытностью. Печальные песни бродячих певцов о горькой судьбе обездоленных людей, думки поэта о судьбе родного народа, об его историческом прошлом и будущем, оказали сильное воздействие на мысль Жинзифова. Вещий певец Перебендя надолго запомнился ему. Жинзифов стал думать. Он думал не о подражании или переделывании Шевченко, а стремился изобразить балканского Перебендю, который бы сердечными и искренними словами, как и Перебендя Шевченко, рассказал народу о его прошлом, настоящем и будущем. Жинзифов, по примеру Шевченко, хотел обратиться к изнемогавшим современникам: „последуйте примеру ваших отцов, которые боролись за свободу“. Подлинная народность, горячая любовь к родине, близость к фольклору, романтизм с реалистическими тенденциями изображения, призыв к революционному свержению самодержавия — все это богатство всего творчества Шевченко способствовало сближению Жинзифова с его поэзией. Шевченко был близок Жинзифову своей личной судьбой и судьбой своего народа. Жинзифов перевел его стихотворения из „Кобзаря“ на болгарский язык (в сущности на македонский диалект) с целью познакомить своих соотечественников на Балканах и вне их с поэзией великого сына Украины. Под сильным воздействием поэзии Шевченко и образа народного певца из „Слова о полку Игореве“ Жинзифов создает в своем стихотворении „Молитва 1“ образ народного поэта в новых исторических условиях. В стихотворении сделана попытка создать образ поэта, отдающего свою жизнь на службу народу, попытка определить роль прежде всего самого себя в общественной жизни так, как это делали его учителя Пушкин, Лермонтов, Некрасов и, в конце концов, и прежде всего, как это делает — и не только в „Кобзаре“ — его любимейший поэт Тарас Шевченко. Образ гусляра — народного певца тревожит душу поэта. Жинзифов, видимо, сам не был удовлетворен выведенным им образом в „Молитве 1“. Лучше, чем в „Молитве“, это ему удалось в стихотворении „Просяк“ (Нищий — 1862), в котором

*Просяк с гусли яворова
По улицы шетат сам,
Пейт просяк песня нова,...*

Поэт ставит в стихотворении единственную цель: пробуждать народ от векового сна рабства. Простой народный певец-нищий поет, подобно кобзарю Шевченко, о самых насущных проблемах современности, о любви к родине, о новой жизни, которая наступит. Жинзифов устами нищего впервые призывает народ думать о будущем:

*Нек разсѣдим, чека спомним
И за наша бѣднина.*

Это стремление Жинзифова внушить, вдохнуть „рабской овце“ — народу идею о будущем, является огромным шагом вперед в развитии и освоении им общественно-политических взглядов, в понимании существующей действительности. И это является одним из результатов воздействия русской литературы.

Образ народного певца, певца страданий и мечты народа, удалось Жинзифову полностью вывести синтезом вещего Бояна и кобзаря в одном из самых замечательных своих стихотворений, в поэме „Гусляр в соборе“ (1862). В ней новая для болгарской поэзии метрика, своеобразная композиция и разнообразная ритмика, с которой мы встречаемся в русской классической литературе. Эта народная рапсодия полна картин и образов. Народный певец зовет народ к пробуждению, к активной деятельности за свое дело и дело родины:

*Сбери се народ, разбуди се от сон
Освети се, близка ет доба, близок час...*

Поэма, по-нашему мнению, является отважным героическим призывом к свержению рабского ига, к активной борьбе с поработителями. В поэме прекрасно сказано иносказательными образами, что предшествующая борьба народа (народные восстания и борьба за болгарское церковное дело) даст свои результаты:

*Веч се разведрил твоѝ мрачен небосклон,
Безплодна нива вече пццит за клас.*

Боян поет собравшемуся народу грустную песню, которая отличается от стиля и формы построения поэмы короткими, восьмисложными и шестисложными строками четверостиший, сочетавшимися в перекрестной рифме АБАБ. Песня написана силлабо-тоническим стихосложением, характерным не только для македонского народно-поэтического творчества, но и для творчества Шевченко. Вся песня народного рапсода, построенная по примеру мелодичной ритмики Шевченко, является каким-то агитационным призывом, песней о непоколебимости угнетенного народа, о вере поэта в собственные силы человека, пахаря, песня о труде и о любви к народному языку, литературе и культуре, о ненависти к фанариотам и турецким угнетателям.

Типичный образ македонского крестьянина-землеладельца, в силы которого глубоко верит поэт, нарисован в песне очень правдиво, реалистически и убедительно. На основе анализа жизни простого народа Жинзифов приходит к выводу, что трудом, потом и даже жизнью крестьян пользуются чужие эксплуататоры. Это турки, греческие фанариоты и болгарские чорбаджи:

*За кого готѝт негов труд и пот,
Кому он дават свой имот?
На Агата и в Царев град
И на хитър и зол фанариот.*

Фанариоты и греческое духовенство преследовали на Балканах все славянское, запрещали служить литургию на народном славянском языке, сжигали памятники письменности, тогтали его нравы и обычаи. Тем самым, по правильному мнению поэта, они угрожали самому существованию славянских национальностей и вообще славянского элемента. Против них, против губителей нации и ее существования надо бороться — так звучат твердые слова поэта. Народ постепенно осознает свои собственные силы. Жинзифов и сам постепенно осознавал (и то, несомненно, под воздействием русской революционно-демократической мысли), что только острым мечом в настоящем и бу-

душем можно защитить от греческих ассимиляторов свою национальность, добиться освобождения.

Если Шевченко писал о семье великой, о семье братских славянских народов, это же, наверно, под влиянием своего учителя, делает и Жинзифов в своеобразном эпилоге вышеприведенной поэмы. Поэт с большим восторгом, уверенностью и надеждой восклицает:

*Сме славяне, как московци,
Сърби, чехи и поляци,
черногорци, ерцеговци,
и хървати и бошнаци,...*

В стихотворении, как и во всей поэме, ярко звучит идея славянского чувства и принадлежности к великой славянской семье, идея славянской дружбы на основе равноправия, идея борьбы против ассимиляторов и турок, идея за освобождение народа.

Жинзифов, под воздействием русской прогрессивной литературы и общественной мысли мечтал о том времени, когда взойдет „звезда пленительного счастья“ (Пушкин, „К Чаадаеву“). Вера Жинзифова в то, что действительно наступит новое время, выражена в целом ряде его стихотворений. Ярче всего она прозвучала в его стихотворении с прямо революционными мотивами. Вот, например, в стихотворении „Доба“ (1862):

*Ке дойдит доба, ке дойдит доба
И тая доба не ет далеко
Да се исполнит народна молба,
Желание горещо, ак' и не леко.*

Его громкий поэтический, патриотический и революционный голос раздался и в стихотворении „Недопояна песня“ (1864), которое является одновременно личной исповедью поэта, объяснением его безмерной любви к народу. В нем он, под влиянием романа Чернышевского „Что делать?“,²⁸ поэзии Шевченко, Некрасова, приходит к выводу, что не молитвами, не развитием „без каких-либо потрясений и крови“, а только кровавыми битвами и организованной борьбой возможно добиться освобождения народа:

*Нам не помагат сълзи, молитви,
Жъртви олтарни, поклони низки,
Нам са потребни кървави битви,
Час на съдба ни мож' да е близки.*

Поэзия Жинзифова с ясно революционными мотивами вполне отвечает целям и программе болгарского прогрессивного направления, которое выражает свое стихийное, неударжимое желание к свободе и к свержению всякого рабства. Жинзифов верил в силы своего народа. В одной своей статье 1865 года он пишет: „балканские народы будут дышать под рабским ярмом до того времени, докуда они сами не примут участие в деле своего освобождения“.²⁹

О том, что Жинзифов верил, что окончательное решение церковного вопроса (самостоятельной болгарской епархии) и вопрос освобождения надо решать вооруженной борьбой народа свидетельствуют не только его стихотворения, но и некоторые его публицистические статьи и письма. Сообщая своему другу М. Дринову о намерениях патриарха созвать собор всех право-

славных независимых церквей, чтобы решить болгарский церковный вопрос, он пишет: „Я же мислям, че този въпрос окончателно ще го реши с а м о с а б л я т а, когато ми гледаш, че искат да отделят само България, а Македония и Тракия пак да си останат по-прежнему“.³⁰ Значит, Жинзифов был убежден в том, что окончательное решение вопроса возможно только саблѣй. Свидетельством этого является и его последнее известное³¹ нам стихотворение „Отзив към певецът“, написанное 17 июня 1869 года. Нам неизвестно, какого поэта имеет в виду Жинзифов, к какому именно „молодому певцу“ он обращается. Мы предполагаем, что он, может быть, обращается к Х. Ботеву, который в 1867 году опубликовал первое стихотворение „Майце си“ (Моей матери) и затем „К брату“ (1868), „На прощанье“ и др.

Стихотворение Жинзифова является сильным отзывом на революционные стихи неизвестного нам поэта. Оно является признательностью Жинзифова к поэту-революционеру. Как „горячая душа молодого певца“ призывает „булат“ (= богатырь = народ) восстать против всех и отомстить за страдания народа, так призывает и Жинзифов, стихотворение которого ясно доказывает его революционные взгляды:

*Булатът отдавна си викам и аз
И пак се придружвам при силен ти глас:
Стани же ти, остри булате, не спи,
В ръката на рабът грозно забълсни.*

Стихотворение „Отзив към певецът“ является прямым гимном восстанию, гимном вооруженной борьбе, песней и призывом к народу, этому богатырю — булату, к изгнанию чужденациональных врагов народа. Что может быть более ясным доказательством революционных настроений Жинзифова? Жинзифов был глубоко убежден, что коренные изменения в жизни народа может провести только народ — широкие слои населения. Только так становится ясным, естественным и понятным, что в стихотворении выступает на первый план народ.

Стихотворением „Отзив към певецът“ Жинзифов достиг апогея своего поэтического творчества, выразил в нем комплекснее всего свои взгляды на освобождение поработенных балканских славян, свое политическое кредо. Это ставит его в ряд прогрессивных деятелей болгарского народа, в строй революционного направления.

Видное место в творчестве Жинзифова занимает его самое большое поэтическое произведение — поэма „Кървава кошуля“ (Кровавая рубашка). Над ней поэт работал более семи лет. В мотго поэмы „зол търн — зла копачка“ но ясно в аллегорическом виде определил замысел в поэме — против зла, против общественного зла надо бороться силой, против пролития крови — только борьбой. Зло только злом губится.

И в „Кровавой рубашке“ можно видеть воздействие русской поэзии того времени на языковые, поэтические средства, на формы и стихосложение. Оно, в конце концов, в данной поэме проявилось в отношении формы более, чем в остальных стихотворениях. В поэме чувствуется сильное воздействие поэзии Т. Г. Шевченко. Шевченко привлекал внимание Жинзифова и других болгарских писателей (П. Р. Славейков, Л. Каравелов), так как его произведения проникнуты духом народности и безграничной любви к угнетенному народу. Вторым пунктом сближения Жинзифова с поэзией Шевченко явля-

ется прогрессивный патриотический романтизм, любовь к народной старине и к фольклору и их поэтизация. Жинзифов по своему творчеству сближается с Шевченко, так как они близки друг другу своими политическими взглядами. Известно, что Шевченко был членом тайного политического „Кирилло-мелодиевского общества“ и рассматривал вопрос о социальном освобождении Украины, в отличие от либералов и националистов, с позиций революционеров-демократов. Нельзя не учитывать еще одного очень важного обстоятельства, которое содействовало популяризации произведений Шевченко среди болгар и сближению Жинзифова с его творчеством. Творчество Шевченко своей мелодичностью, простотой и глубоким народным содержанием стало вполне доступным пониманию и вкусу Жинзифова и болгарских читателей. „Нека читателите се запознаят колку-годе с малоруската гусли Шевченкова“ — пишет Жинзифов в послесловии к „Новоболгарской сбирке“.

Укажем на сходные места „Кровавой рубашки“ со стихотворениями Шевченко. Для Шевченко самой любимой формой была метрическая форма четырехстопного и трехстопного хорей, в котором написано много его стихотворений и поэм. Эту метрическую форму мы видим и у Жинзифова, более всего в его „Кровавой рубашке“. Именно в ней Жинзифов как будто хотел показать синтез своих знаний по стихосложению, приобретенных им от знаменитых русских мастеров слова и особенно от Шевченко.³² Жинзифов стремится в „Кровавой рубашке“ полностью сохранить любимую Шевченковскую форму, хотя это не всегда ему удавалось:

*Ако да бех знала чедо
Че зло ще го найдет
Него немаше да пуцам
В той ден клетки, чърни.
Да бех знала... да бех знала,
Можех ли да знаям?*

*Якби знала, що покине-
була б не любила;
Якби знала — не ходила б
Пізно за водою*

Якби знала! Тополя

Таких и подобных примеров можно найти в поэме Жинзифова достаточно. Шевченко пишет в стихотворении, посвященном личному знакомому Н. А. Марковичу, автору пятитомной „Истории Украины“, о великой тоске по родине Украине, где

*Могили с буйним вітром
В степу розмовляють
Размовляють, сумуючи,
Отака их мова:
„Було колись — минулося
Не вернеться знову!“*

Жинзифов, обращаясь к девушкам и рассказывая им о старой славе Прилепа, употребляет подобные средства выражения:

*Що помина, не се вѣрцят
Назад, о дѣвоуки, . . .*

Из поэмы „Тарасова ніч“, в которой Шевченко изобразил восстание украинского народа против польской шляхты под предводительством Тараса Федоровича (в некоторых исторических трудах называемого Трясилом), разгромившего армию польских гетманов

*Вже не три дні, не три ночі
Б'ється пам Трясило. . . .*

Жинзифов берет подобные средства для изображения турецких грубостей и насилий, совершаемых над женщинами на Балканах:

*Не две ноци, не три ноци
Твои чърни вежди . .*

Дивчина в „Тополе“ Шевченко уже не поет под вербою. Любимый казак ушел и без него „солнце не светит“ И если милый не вернется, то она погибнет. Но

*Минув і рік, минув другий
Козака немає;
Сохне вона, як квіточка, —
Мати не питає.*

Жинзифов выражает радость матери по поводу того, что турки ушли и сын остался живым, следующими словами:

*Мина се ден, втори, трети,
Мина се неделя.
Нищо нема, все е мирно
В село, п'околия —*

И еще одно сравнение из „Тополи“ Шевченко и „Кровавой рубашки“ Жинзифова:

<i>А хто ж її головоньку Буде доглядати? Хто догляне та спитає На старість поможе? Мамо моя! доле моя! Боже, милий боже!</i>	<i>Кой ще, боже, мене стара В хладен гроб отпусне? Кой ще, боже, при смъртта ми Очи да заклопит?</i>
--	--

Все случаи сходств или по форме или по содержанию, я привел не потому, чтобы доказывать какую-то зависимость Жинзифова от творчества Шевченко, а только как свидетельство его любви к автору прекрасных поэм и стихотворений, к революционному демократу и великому другу славянских народов, поэтическое творчество которого было знаменем политической и социальной борьбы.

Аналогичная личная жизненная судьба и судьбина их народа, который они оба страстно любили, романтически-элегическое обращение к прошлому, сходные мысли и средства, предлагаемые ими для освобождения народа, подлинный гуманизм и безграничный патриотизм, любовь к другим поработенным славянским народам — вот прочная основа сближения Жинзифова с творчеством Шевченко.

Жинзифов любил творчество Шевченко, переводил его стихи и вдохновлялся его поэзией всю жизнь. В одном письме М. Дринову от 9-го марта 1866 года он говорит о своей любви к Шевченко: „Превел съм почти что весь Шевченко. Но той още дълго време ще лежи между другите мои бумаге-мариания.“³³

В 1868 году Жинзифов перевел „Послание славному П. И. Шафарьку“ и опубликовал его в сборнике „Общ труд“³⁴ Сразу же надо сказать, что З. Здравева³⁵ неправильно считает „Послание“ оригинальным стихотворением Жинзифова, вопреки тому, что под заглавием стихотворения отмечено „по Шевченко“ Сравнение с украинским оригиналом и с русским переводом

ясно доказывает, что речь идет о переводе. В „Послании“ Шевченко выдвинул заслуги чешского слависта, филолога и археолога, этого „любомудра“, который „крепким сердцем и орлиным зрением видел правду и волю славянских народов“ Оно в переводе Жинзифова с художественной точки зрения означает шаг назад, но оно, бесспорно, повысило популярность Шафарика и Шевченко (и особенно Шевченко) среди балканских славян и укрепило идею славянской взаимности.

Возможно предполагать, что „Еретик“ и „Послание“³⁶ попали Жинзифову в руки в каком-нибудь издании до 1863 года, когда был издан приказ Валуева о запрещении украинских книг. Можно выдвинуть и другое предположение, что Жинзифову мог доставить „Кобзаря“ в петербургском издании Кожанчикова³⁷ его личный знакомый П. И. Бартенев. О личном знакомстве Жинзифова с Шевченко (что, однако, не исключается) мы не имеем, к сожалению, никаких данных. Из письма Жинзифова М. Дринову от 16 апреля 1869 года мы узнаем факт, говорящий ярче всех остальных, о его любви к творчеству Шевченко. Он пишет: „Аз преведох на български погледмата част от сочиненията на Шевченко, и това лето мисля да преведа почти что 'сичките, за изключение прозаических его статей“.³⁸

Некоторые выводы

Сильным и решающим было воздействие на Жинзифова русской демократической среды, передовой русской литературы, которая, прежде всего, своим реализмом и демократизмом помогла поэту сформировать его творческий облик.

Поэзия русских мастеров слова — Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Шевченко, и др. приводит Жинзифова к убеждению, что основной обязанностью поэта является его служение народу, разоблачение врагов и показ дальнейшего правильного пути исторического развития. Их поэзия вдохновляет Жинзифова, поддерживает его творческий и патриотический пафос и укрепляет его развитие как поэта-патриота. Лучшие традиции русской литературы — ее народность, реализм и гуманизм постепенно и сообразно с балканской действительностью входят в большей или меньшей мере в творчество Жинзифова.

Ясно, что его стихотворения с патриотическими и особенно революционными мотивами („Недопеяна песня“, „Доба“, „Отзив към певецът“ и др.) были написаны под прямым и непосредственным воздействием русской поэзии.

Жинзифов исключительно любил народ. Трудная рабская действительность на его родине и русская демократическая литература привели его к пониманию необходимости активного отношения к народу. В подавляющем большинстве стихотворений Жинзифова выражено глубокое убеждение и вера в лучшее будущее, которое должно наступить. „Ке дойдит доба, ке дойдит доба, и тая доба не ет далеко“ — таково конкретное выражение его веры. Он глубоко убежден в том, что это время наступит, если народ будет бороться „острым мечом“, ибо, как говорит сам поэт в стихотворении „Недопеяна песня“ — „Нам са потребни кървави битви!“ К таким революционным заключениям автор приходит под воздействием русской прогрессивной литературы и после конкретного анализа действительного положения национально-освободительной борьбы болгарского народа.

Проблему об общественной роли поэта, о социальной функции его творчества Жинзифов, по примеру русских прогрессивных поэтов, стремится объяснить в нескольких своих стихотворениях („Просяк“, „Молитва“, „Гусляр в соборе“ и др.). Образ народного певца выведен Жинзифовым по примеру шевченковского кобзаря.

Существенные сдвиги в содержании и форме начинают происходить у Жинзифова после его знакомства с русской литературой и русской литературной критикой. На формирование его эстетических взглядов оказывала влияние прогрессивная эстетика русских революционных демократов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сочинения на Райко Жинзифов, съзмиа З. Здравева, МНИ, София, 1927.
- ² См. Б. Пенев, *История на новата българска литература*, т. 4, София, 1936, стр. 645 и след.
- ³ См. Н. В. Гербель, *Поэзия славян*, Санктпетербург, 1870, стр. 309.
- ⁴ См. К. Иречек, *История Болгар*, Одесса, 1878, стр. 234.
- ⁵ См. Райко Жинзифов, *Избрани творения*, под ред. на П. Динек о в, второ издание, Хемус, София, 1943.
- ⁶ См. Велчо Велчев, *Воздействието на руската класическа литература за формиране и развитие на българската литература през 19 век*, БАН, София, 1958.
- ⁷ См. А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович, *История славянских литератур*, Санктпетербург, том 1, 1879, стр. 72.
- ⁸ См. J. Máchal, *Slovanské literatury*, II, Praha, 1925, str. 426—427.
- ⁹ См. M. Weingart, *Přehled literatury bulharské*, Praha, 1919, str. 35.
- ¹⁰ См. Д. Косев, *Новая история Болгарии*, Москва, 1955.
- ¹¹ См. С. Русакиев, П. Р. Славейков и руската литература, БАН, София, 1956, стр. 53.
- ¹² Он, наверно, дал Жинзифову возможность посещать Чертковскую библиотеку, где Жинзифов написал стихотворение „Бессоница“.
- ¹³ П. И. Бартечев, *Пушкин в южной России*, Москва, 1862, втор. изд. 1914. Его же, *Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей в 1851—1860 гг. П. И. Бартечевым*, Москва, 1925.
- ¹⁴ См. указ. Избр. твор. Р. Жинзифова под ред. П. Динек о в, стр. 65.
- ¹⁵ См. А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 10 томах*, т. 6, Москва, 1949.
- ¹⁶ См. указ. Избр. твор. Р. Жинзифова под ред. П. Динек о в, стр. 5—6.
- ¹⁷ См. М. Ю. Лермонтов, *Полное собрание сочинений*, Москва, Изд. Правда 1953, том 4, стр. 384 и след.
- ¹⁸ См. Náprstkovо muzeum všeobecného národopisu v Praze, AR XXIX.
- ¹⁹ См. П. Динек о в, *Македония в преписката на М. Дринов*, Македонски преглед, 1942, кн. 2., письмо 9.
- ²⁰ Десятью годами позже в поэме „Саша“ в образе Льва Агарина, в стихотв. „Самодвольных болтунов“, „Медвежья охота“ и др.
- ²¹ До сих пор все историки литературы, которые занимались творчеством Жинзифова, считали это стихотворение оригинальным.
- ²² См. Н. А. Некрасов, *Сочинения в 3 томах*, Москва 1959, том 1, стр. 18.
- ²³ См. Н. А. Добролюбов, *Что такое обломовщина?*, *Собрание сочинений*, том 1—3, Москва, 1950—1952.
- ²⁴ См. *Дунавска зора*, год. 1, 1868, Браила, № 22, стр. 84.
- ²⁵ См. Христо Ботев, *Сочинения*, под ред. на М. Димитров, София, 1949.
- ²⁶ См. Райко Жинзифов, *Новобългарска сбирка*, Москва, 1863.
- ²⁷ См. Б. Пенев, *История...*, том 4, стр. 675.
- ²⁸ Ясное доказательство того, что Жинзифов действительно следил за „Современником“, имеем только с 1863 года, когда Жинзифов откликнулся на статью Н. В. Берга „Положение на Балканах“ напечатанную в 1 и 2 книгах „Современника“ за 1863 год. Но нам известно, что в 1863 году напечатал в „Современнике“ свой знаменитый роман Н. Г. Чернышевский.
- ²⁹ Цит. по *Славянин*, год. 4, № 4, 1959, стр. 36.

³⁰ Жинзифов имеет в виду проект нового царьградского патриарха Григория VI, которого он отделяет только 13 епархий восточной Болгарии. Русские тогда предлагали в согласии с теорией постепенности и последовательности борьбы принять проект, но видно, что Жинзифов не согласен с этим проектом, так как в нем не включена Македония и Фракия.

³¹ Мы думаем, что имеются еще и другие стихотворения Жинзифова, неизвестные нам, так как это последнее стихотворение, известное нам, датируется 1868 г., а он умер в 1877 году. Не верится, чтобы в течение 9 лет он ничего не написал.

³² То же самое строение стиха мы находим и в некоторых стихотворениях Л. Каравелова и даже в некоторых поэмах Ивана Вазова.

³³ См. П. Диников, *Македония...*, письмо 8.

³⁴ См. *Общ. труд*, год. 1, кн. 3, Болград.

³⁵ См. указ. соч. Р. Жинзифова под ред. З. Зрадевой, стр. 74—75.

³⁶ См. Т. Г. Шевченко, *Кобзар*, вступная статья М. Рыльского, Київ, 1956, стр. 199.

³⁷ См. О. Зилунский, *K osudům Ševčenkova Kacíře*, Slavia, 1955, str. 45—65.

³⁸ См. П. Диников, указ. соч., кн. 2, письмо 9.

POZNÁMKY O PŮSOBNÍ RUSKÉ A UKRAJINSKÉ LITERATURY NA TVORBU R. ZINZIFOVA

Autor se pokouší zhodnotit význam ruské pokrokové literatury a ruských pokrokových idejí na básnickou tvorbu Rajko Zinzifova. Stručně charakterizuje tematický okruh básnickovy tvorby a vyzdvihuje dosud vůbec opomíjené básně s revoluční tematikou. Připomíná dva důležité faktory, které měly rozhodující vliv na formování jeho básnické osobnosti: vliv makedonského folklóru a působení ruské pokrokové literatury čtyřicátých až sedmdesátých let 19. století.

Rozebírá Puškinovy básně *Ne daj mně bog sojti s uma a Šotlandskaja pesnja* a srovnává je s Zinzifovými básněmi *Bratu si a Garvan*.

Podrobným významovým, formálním, stylistickým a jazykovým rozbořem a srovnáním dochází autor k závěru, že Zinzifovova básně *Molitva*, která byla dosud pokládána za překlad Lermontovy stejnojmenné básně, není ve skutečnosti ani překladem, ani napodobením. Také genezi básně *Na mladencát A...* vidí autor v pozíci Lermontovově, jmenovitě v jeho básních *Rebénka miloje roždenje i Kozadža Kolybeľnaja pesnja*.

Zinzifovův aktivní vztah ř poezii velkého revolučního demokrata N. A. Někrasova má velký význam. Zinzifov po příkladu Někrasovova „zbytečného člověka“ z básně *Ja za to gluboko preziraju sebja* zobrazuje ve své básni *Sam sebe si typ zvláštního „zbytečného člověka“*. O tom, že se Zinzifov učil od Někrasova stavbě a melodii verše svědčí básně *Do bálgarskata majka*.

Sbližení Zinzifova s poezií velkého ukrajinského básníka vidí autor především v lidovosti, v bezmezné lásce k lidu a vlasti, v folklórních základech Ševčenkovy poezie, v její bohaté melodičnosti a v neposlední řadě i v osudu básníka a jeho lidu.

Zinzifov vyjádřil v řadě básní (*Doba — 1862, Nedopejana pesnja — 1864* a v poslední a nej-revolučnější básni *Otziv kám pevecát — 1868*), pod silným působením ruské a ukrajinské pokrokové literatury, své revoluční názory na otázku osvobození „tureckých Slovanů“ na Balkáně.

DER EINFLUSS DER RUSSISCHEN UND UKRAINISCHEN LITERATUR AUF DAS SCHAFFEN VON R. SHINSIFOW

Der Autor versucht, die Bedeutung der russischen fortschrittlichen Literatur und der russischen fortschrittlichen Ideen auf das dichterische Schaffen von R. Shinsifow zu bewerten. Er charakterisiert den thematischen Kreis des Schaffens des Dichters und hebt zwei bisher unberücksichtigte Gedichte mit revolutionärer Thematik hervor. Er erinnert an die beiden wichtigen Faktoren, die einen entscheidenden Einfluss auf die Gestaltung seiner dichterischen Persönlichkeit ausübten: Einfluss der makedonischen Folklore und Einwirkung der russischen fortschrittlichen Literatur der 40 — 70 er Jahre des 19. Jh. Er analysiert er Puschkins Gedichte *Ne daj mne bog sojti s uma* und *Schotlandskaja pesnja* und stellt sie Shinsifows Gedichten *Bratu si* und *Garvan* gegenüber.

Aus Grund einer eingehenden sprachlichen, stylistischen, formalen und Bedeutungsanalyse und Vergleichs kommt der Autor zu dem Schluss, dass Shinsifows Gedicht *Molitva*, das bisher als Übersetzung des gleichnamigen Gedichtes von Lermontov angesehen wurde, in Wirklichkeit keine Übersetzung oder Nachahmung ist. Auch die Genesis des Gedichtes *Na mladencat A...* erblickt der Autor in Lermontowa Poesie, namentlich in Lermontows Gedichten *Rebenka miloje roždenje* und *Kozačja Kolybelnaja pesnja*.

Shinsifows aktive Beziehung zu der Poesie des grossen revolutionären Demokraten N. A. Nekrassow ist von grosser Bedeutung. Shinsifow schildert am Beispiel Nekrassows überflüssigen Menschen aus dem Gedicht *Ja za to gluboko preziraju sebja* in seinem eigenen Gedicht *Sam sebe si* den Typ eines seltsamen überflüssigen Menschen.

Shinsifows Annäherung an die Poesie des grossen ukrainischen Dichters erblickt der Autor vor allem in der Volkstümlichkeit, grenzenlose Liebe zum Volk und Vaterland, in der folkloristischen Grundlagen, in der reichen Melodik der Poesie von Schwtschenko und in dem Schicksal Dichter und Volke.

Shinsifow brachte in einer Reihe seiner Gedichte (*Doba*, *Nedopejana pesnja*, im letzten und revolutionärsten Gedichte *Otziv kam pevecat*) unter starker Einwirkung der russischen fortschrittlichen Literatur seine revolutionären Ansichten auf die Frage der Befreiung der „türkischen Slawen“ auf dem Balkan zum Ausdruck.

J. Dorovský